

Солнечный дирижабль

А. Кузнецов

Солнечный дирижабль

«Автор»

2026

Кузнецов А.

Солнечный дирижабль / А. Кузнецов — «Автор», 2026

Максим — совершенно заурядный молодой человек, живущий своей обычной, скучной жизнью. Единственное, что мешает ему быть — болезнь, из-за которой он вынужден каждый день принимать лекарство, которое позволяет отсрочить смерть. Но конец все равно неизбежен. Однако в один из дождливых октябрьских дней он встречает девушку, чья странная привычка следить за незнакомыми людьми и очень настойчивая манера общения меняет в его склоняющейся к закату жизни все...

© Кузнецов А., 2026

© Автор, 2026

А. Кузнецов

Солнечный дирижабль

Огонек ярко вспыхнул, накалился, стал почти багровым, подожгал, затем погас, сделав сырую тьму совсем непроглядной. Было холодно. Особенно это ощущалось по ерзанью и хриплости, сбитому дыханию, вырывавшемуся в виде пара, невидимого в темноте, но почти осязаемого. В темноте было не видно, что именно ерзало и дышало, но это что-то явно было живым, живым и испуганным.

Страх не просто ощущался — он вонял, перебивая застоявшийся и въевшийся в стены запах рыбы и древесины. Он пах потом, кровью и солоноватой жидкостью, возможно, слезами.

Огонек, подмигивая яростным светом, явно этим наслаждался, мерцание его ускорилось, но вскоре он погас насовсем, добавив мраку вкус жженого табака и горького дыма.

Что-то зашевелилось сильнее, будто чувствуя опасность за исчезновением этого единственного источника света, словно понимая, что за этим последует. Раздалось приглушенное, но кричащее безнадежностью мычание и звук ткани, шуршащей по дощатому полу, от чего тот застонал жалобным скрипом, протестуя, так как в эту ткань было одето что-то большое и грузное. Мычание прекратилось, и оно остановилось, словно прислушиваясь.

А прислушиваться было к чему. Чуть поодаль, примерно там, где находился огонек, началось движение, похожее на расслабление стула, с которого кто-то медленно встал. Встал и стоит, наблюдая за чем-то, лежащим на полу, пользуясь тем, что его не видно.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь звуком падающих сквозь прогнившую крышу капель дождя, прошедшего не так давно. Одна капля... две... три... Этот звук закономерного самоубийства напоминал шелканье метронома, с убийственным хладнокровием отсчитывающего мгновения до чего-то ужасного, того, что лежащая на полу и бесформенная в темноте масса ожидала с обреченностью приговоренного к смертной казни.

А капли все били и били, метроном и не думал останавливаться, ему не помешал даже внезапно раздавшийся кашель, сухой и нервный, оборвавшийся так же резко, как и начался.

— Знаешь, а я ведь никогда не курил. Ни-ко-гда. — Голос, вставший со стула, был тихим и хриплым, в нем чувствовалась усталость, он был абсолютно спокоен.

Стон одной доски превратился в симфонию множества: половицы, словно клавиши расстроенного пианино, зашевелились — тело (а это было именно тело) повернулось в сторону звука.

Шаг — и тело снова замерло, громко и беспомощно сглотнув, булькая явно пересохшим горлом. Еще шаг — и новый звук, новый щелчок, за которым последовала яркая, ослепительная вспышка света, выхватившая из мрака огромный силуэт, принадлежавший связанному по рукам и ногам мужчине, который лежал на полу, скорчившись в позе эмбриона и крепко зажмурившись от внезапно хлынувшего в глаза света.

Мужчина был без верхней одежды и без обуви, лишь в испачканном собственной кровью свитере с надписью «Самый лучший муж» и серых джинсах, из-за налипшей на них грязи и глины ставших почти черными, цвета почвы, по которой их волокли. Огромное рыхлое пузо вывалилось из-под свитера и лежало на полу дрожащей студенистой массой, напоминавшей холодец. На лицо было страшно смотреть: под глазами, спелыми сливами, созрели гематомы; нос, решивший понюхать левое ухо, был почти полностью свернут в его сторону; лоб и щеки были иссечены многочисленными ссадинами, на многих из них кровь уже успела запечься, из некоторых она все еще текла, тонкой струйкой скатываясь вниз по грязному скотчу, которым был перемотан рот.

Челюсти активно сжимались и разжимались, безуспешно пытаясь разгрызть кусок плотной синей ткани, служившей кляпом. Зубы, как ни странно, были абсолютно целыми, лишь перемазанными кровью, сочащейся из разбитой верхней губы.

Свет мигнул, и мужчина решился открыть глаза. Из-за оплывших синяками бровей широко их открыть не получилось, но он все же смог различить лицо человека, стоявшего над ним. В легком полупоклоне, склонив голову и с интересом художника, созерцающего свой новый эскиз, он пристально глядел на жертву. Их взгляды встретились, и тут случилось неожиданное: жертва разозлилась. Зубы заходили ходуном, исступленно перемалывая намокшую тряпку; глаза, преодолевая боль, раскрылись полностью, от чего капилляры в них лопнули, и белки налились кровью. Где-то в глубине гортани родился глухой, клокочущий звук, больше не походивший на прежнее жалобное мычание, нет, — он задышался от злости. Тело затряслось с удвоенной силой, живот затрясся в аплодисментах полу, на котором лежал, а голова со свалывшейся и спутанной шерстью, которая раньше была волосами, задергалась взад-вперед, как маятник.

Лицо же «художника» искривилось легкой, язвительной улыбкой — его узнали, и он наслаждался.

— Надо же, ты меня узнал! Почему-то мне казалось, что ты не способен запомнить хоть что-то больше, чем на десять секунд. А прошло двенадцать лет. Молодец!

Улыбка исчезла, но в глазах еще задорно плясали веселые огоньки:

— Ох, знал бы ты, как мне тяжело было тебя тащить. Ты и раньше худым не был, но сейчас ты совсем как хряк стал. Не стыдно?

Но покрасневшая от злости голова не могла ему ответить, а лишь свирепо сверлила его глазами, превратившимися в две огромные, кроваво-красные немигающие лампочки с черной точкой зрачка посередине. Вена на шее набухла и пульсировала давлением, настолько сильным, что казалось, будто серое вещество в мозгу вот-вот закипит, а из ушей пойдет пар. Однако вскоре мужчина расслабился, красные пятна на избитом лице начали потихоньку бледнеть. Он опустил голову на мокрый от его пота и слез пол и перевел взгляд на дверь, своей неясной в полумраке тенью дарившей робкую надежду на освобождение.

Нависающий над ним «собеседник» инстинктивно проследил за его взглядом, повернув голову, и тут же вроде бы смирившееся с участью огромное тело пленника пришло в движение, попытавшись всей своей массой подкатиться под ноги и сбить мучителя вниз.

И у него почти получилось, но, в отличие от жертвы, его похититель не был стеснен в движениях, и он, лишь слегка пошатнувшись, успел отойти назад, задев макушкой одинокий фонарь, свисающий с потолка на длинном оголенном проводе, похожем на уставший нерв. Кружок тусклого света заметался по помещению, вытаскивая из тени остовы старых рыбацких лодок, сваленных кое-как друг на друга, заплесневевших и полусгнивших.

Пленник, не оставляя попыток выбраться из этого промозглого ада, начал было кувырки перекатываться к спасительному выходу, но далеко укатиться ему не удалось. На секунду открыв слезящиеся, кровоточащие ссадинами глаза, он успел заметить лишь тупой железный носок сапога, летящий ему в лицо.

Глухой удар, вскрик, заглушенный тряпкой, — и все. Голова дернулась назад, увлекая за собой туловище, и узник перевернулся на спину, потеряв сознание.

Очнулся он от резкого и очень болезненного удара по щеке, опухшей и посиневшей от предыдущего. На его лице созрела свежая слива.

Брови и веки опухли еще сильнее, красными, воспаленными шторами почти закрывая обзор, поэтому открыть глаза полностью было теперь невозможно. Лицо горело и ныло, вторя телу, сменившему положение. Теперь мужчина сидел на стуле, привязанный к нему толстой, жесткой и, судя по всему, очень прочной веревкой, обхватившей и сжавшей его необъятное брюхо, утопившись в него, как обвязка в колбасу.

— Вижу, что не стыдно. Жаль... — Похититель сидел прямо напротив, недалеко, но и не в упор, явно учитывая прошлый опыт. — Хотя хорошо, что вспомнил. Здесь прохладно, как ты, должно быть, заметил.

Он сидел выпрямившись, чуть склонив голову набок, руки же сложил на коленях, и даже сквозь узкие, болезненные щелочки доступного обзора избитый пленник заметил отражение света лампы на блестящем лезвии топора, лежавшем в одной из них.

Ему стало страшно, но сил бороться не оставалось. Все тело вопило о боли, кожа, покрытая мурашками от ледяного холода, решила проявить солидарность к лицу и начинала синеть. Тряпка во рту исчезла, ее заменило что-то круглое и твердое, напоминающее теннисный мячик, безжалостно засунутый ему в глотку, содрав кожу с нёба. Он молчал. Оставалось только слушать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.